

ПРИЧИНЫ ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЙ МОДИФИКАЦИИ ПОВЕСТИ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Крикливец Елена Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры литературы Витебского
государственного университета имени П. М. Машерова
(г. Витебск, Беларусь)

Одной из важнейших характеристик жанра, обеспечивающих его «жизнеспособность» и актуальность на разных этапах литературного развития, является способность к адаптации в новых социальных и культурных условиях, эстетическая «гибкость», потенциальная возможность модификации структуры жанра при сохранении «ядра».

В каждый период существования жанр сохраняет свою «архаику» (каноническую завершенность), обеспечивая преемственность традиции, и при этом усваивает новые эстетические приемы, обновляется. В этом залог жизни жанра. Жанры, не способные к обновлению, остаются памятниками определенной исторической и культурной эпохи, отражением характерного для данной эпохи художественного метода.

Очевидно, что с процессом трансформации уже существующих жанров самым тесным образом связан процесс возникновения новых жанровых форм. Нередко зарождение нового жанра происходит в результате взаимодействия (интеграции) прежних жанровых структур (на их «пограничьи»). История литературы позволяет говорить и о появлении новых жанров в результате родовых взаимодействий (например, лиро-эпические жанры). Так, А.Н. Макаревич обращает внимание на то, что «родавае і жанравае перакрываюцца ў межах аднаго мастацкага твора – гэта з’ява, характэрная наогул для гісторыі сусветнай літаратуры» [1, с. 25].

Поскольку мы рассматриваем жанр как определенную форму художественного мышления, причиной возникновения жанра может стать индивидуальное художественное открытие, принцип миропонимания, который впоследствии трансформируется в художественный прием, в жанровую категорию. В любом случае, процесс модификации жанровых форм, обусловленный социально-историческими изменениями, сменой художественной парадигмы, эволюцией общественного сознания, – процесс неизбежный и закономерный.

Исследуя жанровую природу любого художественного произведения (в том числе и повести), мы всегда имеем дело с диалектикой традиционного и нового. Это соотношение, как и причины эстетических новообразований (модификаций), представляют непреходящий интерес для литературоведческих исследований, в частности, для типологических сравнений.

Необходимость жанровых модификаций была незначительна в эпоху рефлекторного традиционализма и объективно усилилась в литературе нового времени. В этот период возрастает роль творческой индивидуальности, антитрадиционалистские стремления которой приходят на смену клишированным формам (иногда полностью уничтожая их). Однако Л.Д. Синькова полагает, что «тэндэнцыя перадусім абнаўленчая ў гісторыі літаратуры ніколі не была і не можа быць самадастатковай. Яна дынамічна звязана з тэндэнцыяй кансерватыўнай. У беларускім жа кантэксце кансерватызм набывае асаблівую вагу – перадусім у другой палове XX стагоддзя, калі стабілізацыя традыцыі адыграла ахоўную, антыасіміляцыйную ролю ў нацыянальнай культуры. Такім чынам, сапраўдная, сутнасная дынаміка мастацкіх (жанравых) структур ёсць з’ява надзвычай складаная; яна мае таксама і нацыянальную спецыфіку» [2, с. 29]. Последнее замечание о национальной специфике жанровой динамики представляется особенно важным для сравнительно-типологического изучения жанрово-стилевых модификаций повести в национальных литературах, поскольку проясняет причины некоторых эстетических явлений.

В литературе нового времени происходит поиск художественных приемов и средств типизации, углубление психологи-

ческого анализа и аксиологического содержания произведений, что привело к модификации жанровых структур. Об этих тенденциях писал еще В.Г. Белинский, который изменения в области поэтики связывал с изменениями в «чувстве реальности», то есть с потребностями художественного постижения «идеи времени» [3, с. 154].

Появление новой художественной идеи – результат развития философско-эстетической мысли эпохи. Оно обуславливает не только и не столько жанровую динамику, сколько смену доминантного художественного метода, художественно-гносеологического цикла. Следствием чего и является динамика жанровых структур, которая, таким образом, отражает стадийность развития литературы.

Художественная идея, характерная для определенной эпохи, находит свое воплощение, прежде всего, в «идее человека», или в эстетической «концепции личности», которую В.М. Головкин назвал «системообразующим фактором историко-литературной эпохи» [4, с. 167]. Следовательно, одной из важнейших причин жанровых модификаций становится эволюция «идеи человека». Так, например, жанровая форма повести, способная объединить повествовательное начало с лирическим, через частное показать общие закономерности и тенденции времени, активизировалась в литературе рубежа XIX–XX веков, поскольку оказалась изоморфной новой «идее человека», определившей впоследствии тип культуры Серебряного века.

В контексте художественной идеи эпохи (а в ряде случаев опережая и превосходящая появление новой формы художественного мышления) находят свое воплощение индивидуально-авторские методы и приемы постижения мира и человека в нем. Таким образом, еще одной значимой причиной жанровых модификаций является эстетическое новаторство в творчестве конкретного автора, которое может выйти за рамки индивидуального формотворчества в разряд художественных категорий.

История развития литературы показывает, что модификация жанровой системы происходит по двум ключевым направлениям, которые можно обозначить как интеграцию и дифференциацию жанровых структур. Эти процессы характерны, в первую очередь, для эпических форм. Не смотря на их антонимичность, в литературе может наблюдаться «совмещение тенденций к углубленному аналитическому рассмотрению каждого отдельного явления и пласта прошлой и современной действительности с тенденцией к воссозданию ее сложного внутренне расчлененного и в то же время цельного, обобщенного художественного образа» [5, с. 64].

Нам представляется, что, при кажущейся одновременности, процессы интеграции и дифференциации жанровых структур обусловлены различными историческими и культурными импульсами и актуализация каждого из этих процессов обозначает новую стадию развития общественного сознания и удовлетворяет вновь возникшие когнитивные и эстетические потребности.

Можем предположить, что жанр повести становится особенно востребованным на «стыке» уходящей и новой стадий развития литературы, когда «центробежная тенденция, стремление к охвату все новых и новых сторон действительности... наталкивается на центростремительную, побуждающую писателя при обращении к любой теме и любой разновидности жанра рассматривать их не как отдельные, изолированные сферы, но лишь как особые области раскрытия и проявления универсальных, общих определяющих закономерностей личного и общественного бытия» [5, с. 65].

Жанровые модификации повести отражают (или превосходят) те изменения, которые уже происходят (или будут происходить) в когнитивной и стилистической сферах искусства слова. Так, во второй половине XX века в прозе и русских, и белорусских писателей наметились тенденции к выходу за рамки нормативной (соцреалистической) эстетики и возвращению в русло классического реалистического искусства. Зарождается новая «концепция человека»: он перестает осмысливаться только как средство общественных преобразований. Актуальным становится вопрос о самоидентификации личности, для белорусской литературы это еще и вопрос о национальной самоидентичности. В литературе появляются попытки постичь сущность национального (а не советского) характера, выявить внутреннюю, психологическую детерми-

нацию личности, акцентировать внимание на морально-этической проблематике.

Интенсификация жанра повести в прозе этого периода объясняется переходом от идеологически ангажированного письма к социально-психологическому реализму. Повесть с присущей ей метонимичностью, с одной стороны, позволила писателям уйти от избыточной заостренности социальной проблематики в сферу межличностных отношений, психологического анализа характеров (показать человека в контексте его «микросреды»), с другой стороны – помогла через частное выразить общие конфликты и противоречия эпохи.

Однако обширный социально-бытовой и исторический материал, к которому обращаются писатели в своем творчестве в конце 1960-х–1970-х годах, начинает «выплескиваться» за границы жанра повести, обуславливая интеграционное направление жанровой модификации. Для реалистической прозы этого времени становится характерным такое явление как «повесть в новеллах (эскизах, очерках)», повествование в рассказах, движение в сторону создания метажанра – цикла повестей (В. Астафьев «Царь-рыба», «Последний поклон»; В. Белов «Плотничные рассказы»; И. Пташников «Лонва»; И. Шамякин «Тривожае шчасце»).

Причина циклизации повествования связана с тем, что увеличивается объем и сложность материала, который подвергается художественному осмыслению, в связи с чем событийное и хронологическое единство повести уступает место фрагментарному повествованию, состоящему из цикла рассказов (очерков, эскизов), в центре которых зачастую находятся различные субъекты сознания. Отметим, что интеграция жанровых структур происходит и внутри образованнейшей повествовательной формы: границы рассказов, новелл, эскизов, очерков, эссе, притч и др., составляющих цикл, оказываются размытыми и взаимопроницаемыми. Тем не менее, жанровые признаки повести в повествованиях такого типа не утрачены полностью. Структурное и смысловое единство обеспечивается продуманной композицией, общностью художественного пространства, направленностью всех «микросюжетов» на решение одного центрального конфликта.

Можем предположить, что, чем слабее внутренняя и внешняя связь фрагментов циклического повествования, тем сильнее социальный детерминизм произведения, тем значительнее стремление автора отразить актуальную (возможно, не до конца еще осмысленную) социальную ситуацию, а не психологическую обусловленность характеров. При этом разрушение канонической структуры повести, поиск иной формы, способной воплотить новое, синтетическое, мировосприятие свидетельствуют о романизации прозы. Этот процесс особенно характерен для реалистической парадигмы с ее стремлением к типизации.

Апелляция к общечеловеческим нравственным и культурным ценностям, характерная для русской и белорусской традиционалистской прозы 1960–1980-х годов, способствовала активизации мифопоэтических архетипов, формированию нового типа художественного мышления, использованию элементов неклассической эстетики. В 80-е годы XX века отличительной чертой нового мышления становится рациональное, интеллектуальное, аналитическое начало. В общем смысле на смену синтетическим, дедуктивным познавательным процессам вновь приходят индуктивные. И писатели, и литературоведы высказывают мысль о «смерти» романа в его классическом понимании.

Период эстетической деконструкции 90-х только усилил эти тенденции. Примечательно, что жанр повести, вновь актуализированный на этапе смены художественных парадигм, сумел удовлетворить потребности и неклассической эстетики, освоив новые формальные и содержательные приемы, расширив границы жанра в область экзистенциальной поэтики, романтических, барочных, импрессионистских, сюрреалистических и др. форм.

Таким образом, изучение жанровой и стилиевой модификации повести позволяет определить, какие аспекты отношений между личностью и действительностью в конкретный период времени подвергались творческому осмыслению (а значит, были особенно актуальны), какие художественные методы и приемы для этого использовались. Иными словами, жанровая динамика является отражением развития общественного сознания и эстетических преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Макарэвіч, А. М.* Праблема жанру і стылю ў беларускай прозе XIX – пачатку XX ст. : аўтарэф. дыс. ... д-ра. філал. навук : 10.01.01 / А. М. Макарэвіч ; БДУ. – Мінск, 2000. – 39 с.
2. *Сінькова, Л. Д.* Беларуская проза XX стагоддзя : дынаміка жанравых структур : аўтарэф. дыс. ... д-ра. філал. навук : 10.01.01 / Л. Д. Сінькова ; БДУ. – Мінск, 1996. – 40 с.
3. *Белінскі, В. Г.* Собр. соч. : в 9 т. / В. Г. Белінскі. – Т. 1. – М. : Худож. лит-ра, 1976. – С. 154.
4. *Головко, В. М.* Историческая поэтика русской классической повести / В. М. Головко. – М. : Флинта, 2010. – 274 с.
5. *Фридлендер, Г. М.* Поэтика русского реализма: очерки о русской литературе XIX в. / Г. М. Фридлендер. – Л. : Наука, 1971. – 293 с.

УДК 821.161.3.09

“МАЛАЯ” ПРОЗА З. БЯДУЛІ ДЛЯ ДЗЯЦЕЙ: ПРАБЛЕМА-ТЭМАТЫЧНЫ АСПЕКТ

Лебедзеў Аляксандр Уладзіміравіч

магістр філалагічных навук, выкладчык беларускай мовы і літаратуры ДУА «Сярэдняя школа № 28 г. Магілёва»,
аспірант Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова
(г. Магілёў, Беларусь)

З. Бядуля стаяў ля вытокаў беларускай дзіцячай літаратуры. Пра невыпадковасць звароту мастака слова да малой гадамі чытацкай аўдыторыі сведчаць асноўныя этапы жыцця і творчасці пісьменніка. Ён займаў пасаду рэдактара дзіцячага часопіса “Зоркі”; у публіцыстычных артыкулах “Абразкі з правінцы”, “Нататкі аб школьнай справе”, “Тое, што магчыма”, “Школы ў правінцы” і інш. актыўна палемізаваў па праблемах адукацыі маленькіх беларусаў на роднай мове і стварэння для іх беларускамоўных школ з забяспечанасцю адпаведнымі падручнікамі. Дзейнасць З. Бядулі ў галіне культуры і адукацыі паскорыла заканамернае спрычынненне творцы да дзіцячай літаратуры, дзе выявіў сябе найперш як майстар “малой” прозы.

Праблема-тэматычная прастора апавяданняў З. Бядулі для дзіцячага чытання сфарміравалася ў дарэвалюцыйны перыяд мастацкай дзейнасці гэтага пісьменніка. Яго нястомныя творчыя пошукі і арыгінальныя вынаходніцтвы, звязаныя з першай пражанай кнігай “Абразкі”, паслужылі імпульсам для стварэння апавяданняў для дзяцей: “Велікодныя яйкі”, “Летапісцы”, “Малыя дрыпасекі”, “Пяць лыжак заціркі” і інш. Слушнасць гэтай думкі, агучанай В. Каваленкам [2], І. Кульбянкавай [3], І. Навуменкам [5], пацвярджае ўключанае ў нізку “Абразкі” апавяданне “Пастушка”. У гэтым творы пісьменнік асэнсоўвае трагічнасць лёсу дзяцей беларусаў, якія вымушаны нястомна працаваць, часам нават не пад’ёшы. Закрануты пісьменнікам у дэбютным зборніку прозы праблема-тэматычны аспект у многім прадвызначыў тэматыку і праблематыку яго пазнейшых апавяданняў для маленькіх рэцыпіентаў.

У тэматычным аспекце “малую” прозу З. Бядулі для дзіцячага чытання ўмоўна можна падзяліць на наступныя групы:

1) творы сацыяльнага, сямейна-побытавага зместу (“Ашчаслівіла”, “Малыя дрыпасекі”, “Пастушка”, “Пяць лыжак заціркі”, “Тулягі”);

2) творы пра дзіцячыя прыгоды, захапленні, свет дзіцячых уяўленняў (“Велікодныя яйкі”, “Дзе канец свету?”, “Летапісцы”, “Малітва малага Габрусіка”, “Юлька”).

Апавяданні сацыяльнага, сямейна-побытавага зместу, прысвечаныя адлюстраванню нешчаслівага дзяцінства, створаны пісьменнікам з дзвюх пазіцый: спачування тым, чыё дзяцінства бяспраднае і беспасветнае, і пратэсту супраць умоў, якія азмрочваюць жыццё дзіцяці. Справядлівая выснова адносна іх тэматыкі належыць Я. Усікаву: “Пакутніцкае маленства – так можна назваць цыкл апавяданняў З. Бядулі аб дзецях” [7, с. 145]. Гэтыя творы рэалістычна-праўдзівая адлюстроўваюць няшчасны лёс іх герояў: пакалечанай Агатулькі (“Ашчаслівіла”), замерзлых Цішкі і Халімона (“Малыя дрыпасекі”), галодных дзяцей з галоднай сялянскай сям’і (“Пяць лыжак заціркі”), хворага Ганулькі (“Тулягі”). У апавяданнях вызначанай тэматычнай групы, як адзначыў В. Максімовіч, “прысутнічае нейкая вышбудоўнасць – катастрафічная, трагедыяная” [4, с. 280].